

Книги Владимира Корна
в серии

**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

АРТУА. ЗОЛОТО ВАЙХОВ

АРТУА. ЗВЕЗДА ГОРНА

АРТУА. УЧЕНИК УЧЕНИКА

АРТУА. БЕРЕГ СКАРДАРА

АРТУА. ДВОРЕЦ ДЛЯ ЛЮБИМОЙ

ДАРИУС ДОРВАН. НАЕМНИК

ВОСЕМНАДЦАТЬ КАПСУЛ КРАСНОГО ЦВЕТА

ОТРЯД СМЕРТНИКОВ

КРИСТИАН ФЛОЙД. СТРАЖ ЛИБЕРИЛЛЯ

СЧАСТЛИВЧИК ЛЕОНАРД

УДАЧНИК ЛЕОНАРД. ЭХО ПРЕЖНИХ

ВЕЗУНЧИК ЛЕОНАРД. ЧЕРНЫЙ КОРСАР

ТЕОРЕТИК

ТЕОРЕТИК. ОДИН И БЕЗ ОРУЖИЯ

ТЕОРЕТИК. РЕКВИЕМ ПО МЕЧТЕ

ТЕОРЕТИК. ХРАМ ИЗ ХРУСТАЛЯ

АДЪЮТОР

Честь — это прежде всего долг.

Приписывается Пятиликому

ПРОЛОГ

«Мудрец менее всего одинок тогда, когда он находится в одиночестве». Хорошо всем известная мудрость, которая пришла из глубины веков. Еще с тех времен, когда люди были подобны богам и могли двигать горы силой мысли. Ладно, шучу. Никогда они не были им подобны и в дальнейшем не станут — слишком мелочны. И силой мысли могут сдвинуть только себя. Например, с уютного кресла перед камином. В котором пляшут веселые языки пламени, а слева от кресла — столик с бутылкой неплохого бренди и единственным бокалом.

Ну и к чему мне лишние, если гостей я не жду?

Когда на улице несколько дней идет холодный весенний дождь, который пропитал сыростью все, что только можно пропитать, почему бы перед сном не посидеть в кресле. Общаясь с единственным собеседником — бренди. Лениво размышлять о бренности бытия. И еще о том, насколько все в жизни сложилось замечательно. Причем настолько, что, если в следующее мгновение в мою скромную обитель заглянет старуха с косой, я ей даже обрадуюсь ничуть не меньше, а возможно, даже больше, чем если бы сюда внезапно заявила какая-нибудь моя подружка.

Стук в дверь застал меня в тот самый миг, когда в голове практически полностью сформировалась весьма интересная идея. Ничего нового в ней нет, но мне она показалась довольно заманчивой. А что, если плюнуть на все и отправиться на север? Вскоре там должна разразиться война, и, полагаю, пополнить ряды гусар мне удастся легко. Прибыть в ставку к маршалу Гийому и сообщить: решительно изъявляю желание

стать одним из доблестных воинов короля. Нисколько не сомневаюсь, он непременно пойдет навстречу. В кавалергардах меня тоже будут рады видеть. Но их дневные расходы приблизительно равны той сумме, на которую приходится содержаться месяц. Плюсы? Представляю лица моих кредиторов, когда они узнают!

Пожалуй, это единственный плюс. Зато минусов хоть отбавляй. Холод, грязь, никогда толком не выспишься, отвратительное питание, и еще месяцами придется обходиться без женского общества. Да, провинциалочки бывают весьма и весьма милы, но их родители почему-то уверены, что столичные нравы рано или поздно приведут весь мир в бездну. Помимо того, придется содержать слугу на то скромное жалование, которое мне положат. А других источников дохода нет и в ближайшее время не предвидится. Сама война? А что можно иметь против нее? Достойное занятие для настоящих мужчин, когда появляется возможность покрыть себя славой. Украсить грудь множеством красивых орденов и даже героически погибнуть, возглавляя атаку или прикрывая отход. Единственное, она идет не постоянно. Стычки, не говоря уже о сражениях, на любой войне происходят не слишком часто. В остальное же время — те самые минусы, которые и перечислил. К тому же мне понадобится лошадь. Гусар без лошади — что может быть смешнее? И вот ее как раз у меня нет. Когда тебе двадцать пять, ты достаточно молод, но уже обладаешь способностью рассуждать здраво. Золотой возраст!

В этот самый миг плавное течение моих мыслей, изредка перебиваемое очередным глотком бренди, стук в дверь и перебил.

— Открыто! — не соизволив даже сдвинуться с места, громко сказал я.

Единственным достоинством комнаты был камин. Иначе пришлось бы частенько просить хозяйку дома, усиленно молодящуюся даму лет тридцати пяти, о жаровне с углями. Залечь без нее в холодную постель было бы пусть и маленьким, но подвигом. Всерьез подозреваю, мадам Эвансе не прочь согреть ее и собственным телом, но у меня принципы. И один из них гласит: Даниэль, если об этом факте узнают твои зна-

комые, насмешек не избежать. Не в лицо конечно же — на это ума у них хватит. Но они непременно будут за глаза.

Думаю, нет нужды заявлять о том, что Даниэль — это и есть я. Даниэль сарр Клименсе. Дворянин с родословной, тянущейся с тех самых времен, когда люди были подобны богам и могли передвигать горы силой мысли. Немножко философ, чуточку поэт, в какой-то степени музыкант и еще человек, который умеет владеть шпагой. Пожалуй, это единственное, что я умею делать по-настоящему.

Когда скрипнула открываясь дверь, я молил небеса о том, чтобы гостем оказалась не Эмилия. Любая другая — Эстер, Полиан, Валери, Клара... кто-то еще, но только не она. Ведь в этом случае мне придется покинуть чертовски уютное кресло. С другими будет проще: притворюсь больным и слабым настолько, что любое неосторожное движение может привести к внезапной кончине. С Эмилией такой ход не сработает. Она обязательно вытащит из кресла. По ее глубокому убеждению, все болезни в мире случаются в связи с тем, что в организме застаивается кровь. Не исключено, что и танцевать с ней придется. Как будто ее визит не закончится танцами в постели, она еще та затейница.

И потому с облегчением перевел дух, когда обнаружил на пороге мальчишку-посыльного.

— Что там у тебя?

В руках у него как будто бы ничего не было. Но это совсем не означало, что сейчас он не залезет рукой под плащ и не извлечет очередное напоминание о просроченном платеже от одного из моих многочисленных кредиторов. И он действительно туда полез. Чтобы явить миру письмо, которое никак не может быть уведомлением. Все ростовщики, складывается такое впечатление, соревнуются друг с другом, у кого оно будет выглядеть солиднее. Яркий конверт плотной бумаги с вензелями по углам, сургучные печати в двух или трех местах. И обязательно фасция, которая светится в темноте. Однажды у меня мелькнула мысль, что, если содрать весь сургуч с подобного рода уведомлений, коими один из ящиков стола забит полностью, а затем сдать его в канцелярской лавке, должно хватить на обед в самой модной столичной трактирии. Без излишеств конечно

же, но вполне достойный. Собственно, сургуч — весь мой капитал, который запасен на самый черный день.

— Давай сюда! — И снова я даже не пошевелился.

Мальчишка с огромным сомнением взглянул на свои заляпаные грязью сапоги, с которых успела набежать небольшая лужица, но после моего требовательного взгляда все же сделал три необходимых шага, чтобы передать письмо. Я не видел его никогда прежде. Но судя по тому, что удостоверяться он не стал, посыльный меня знал точно. Ничего удивительного. Когда в Гладстуар прибыл заезжий мастер фехтования из соседней Баравии, поглазеть на наш поединок собралась чуть ли не половина столицы. Королевский симфонический оркестр, выступая на площади, столько не собирает народу, хотя в нем играют лучшие музыканты Ландаргии. Хотя что тут удивительного? Чтобы наслаждаться настоящей музыкой, необходимо ее понимать. Или немного в ней разбираться. Оценить талант композитора и мастерство исполнителей. В случае с поединком все куда проще. У мужчин руки непроизвольно дергаются так, как будто они сами отвели чужой или нанесли собственный разящий удар. Женщины тоже находят себе удовольствие. «Ах, какой он красавчик! (Это не про меня). А как он двигается! Как будто танцует!» (Без ложной скромности: вряд ли у кого-нибудь получается лучше.) И так далее.

Сам поединок на шпагах представляет собой попытку двух баранов выяснить — чей вертел острее? Они даже не бараны, потому что куда глупее них. Кому-нибудь приходилось видеть, чтобы эти животные дрались лишь для того, чтобы первым оказаться на вертеле?

Кстати, наша схватка с заезжим маэстро закончилась предсказуемо. Во всяком случае, для меня. Я дал оппоненту возможность показать себя во всей красе, чтобы зрители смогли оценить его искусство фехтования в полной мере. Затем быстро и особенно не утруждаясь завершил дело. Нет, смертью моего противника все не закончилось, все-таки не дуэль. И потому на кончиках шпаг имеется довольно большой наконечник. Размером с крупную сливу и примерно такой же формы. Но если нанести укол в чувствительную часть тела, закончится тем, что твоего визави

уведут под руки или вовсе унесут на носилках. Именно сие с ним и случилось. Что я от этого выиграл? Да ровным счетом ничего. Пригоршню золота, которую пришлось раздать на следующий день для погашения (хотя бы частичного) многочисленных долгов. И восторженный рев толпы, который давно уже мне привычен и особых эмоций не вызывает. Если вызывает вообще.

«Нет, все-таки зря отказался от кареты», — размышлял я, шагая вслед за посыльным и стараясь разглядеть под ногами на булыжной мостовой очередную выбоину, которая обязательно наполнена водой. И не вляпаться в навозную кучу, что будет еще хуже. Все-таки спешим мы не куда-нибудь, а в приличный дом, где собрался едва ли не весь свет столицы Ландаргии. Пусть о моем визите его хозяин даже не подозревает, и вряд ли он ему будет рад.

Шли недолго, минут пятнадцать. Чтобы наконец-то добраться до конечной точки нашего путешествия — поместья сар Штраузенов. Настоящего дворца, как и положено, окруженного решетчатой, художественно выполненной литой оградой. А также тщательно ухоженным парком, который и сейчас, ранней весной, выглядит великолепно.

Что уж говорить о самом дворце! Построенный в стиле позднего классицизма, из мрамора трех цветов — белого, красного и матово-черного, он смотрится немногим хуже, чем дворец самого короля, Эдрика Великолепного. Которого в узком кругу иначе как Эдриком Плюгавым и не называют. И тому имеются все основания. Хотел бы я иметь такой же? С заставленными дорогой мебелью гигантскими залами, стены которых сплошь увешаны полотнами мастеров прошлого, с собственным театром, несколькими выездами, толпой лакеев в дорогих ливреях и всем остальным прочим, что имеется у сар Штраузенов? Несомненно. Готов ли ради всего этого ударить палец о палец? Не дождетесь.

Я бывал здесь достаточное количество раз. Все-таки мое происхождение и незапятнанная репутация открывают двери в большинство столичных домов, не говоря уже о провинции. Да что там большинство — во все. За исключением резиденции Эдрика Плюгавого. Куда, собственно, и не стремлюсь.

Звучащую в доме музыку мы услышали далеко на подходе. Соната ля минор Вагунди. Он, безусловно, новатор, но на мой дилетантский вкус, с негармоническими созвучиями не поскромничал. Как бы там ни было, становилось понятно: на балу наступил перерыв. Под такую музыку не танцуют, ее слушают. А это значит, в любой момент может представиться возможность столкнуться с людьми, встреча с которыми не доставит никакого удовольствия. Но я знал, на что шел.

— Вам сюда, — указал посыльный на одну из дверей. И, в который уже раз взглянув на меня восторженно, исчез.

Когда-то мне такие взгляды доставляли удовольствие. Особенно в том случае, когда они принадлежали молодым симпатичным дамам. Времена эти миновали три года назад. После того как один незнакомец размазал меня, как сопливого мальчишку, взявшего в руки шпагу неделю назад. Благо свидетелей при этом не оказалось. Что совсем не умалило моего в себе разочарования: до той поры я считал, что достиг в искусстве фехтования если не небывалых высот, то многого. С той поры я значительно прибавил в мастерстве. И все же несколько не сомневаюсь, что при новой встрече незнакомец размажет меня все с той же легкостью.

Дверь подалась легко, даже не подумав скрипнуть. Еще бы, управляющий в доме суров к своим подчиненным до жестокости, и от его глаз не способна скрыться и новая трещина на каменной плите в чулане на кухне.

Я попал в ту часть дома, которая обычному гостю недоступна. Если пройти по коридору до первого поворота направо, на противоположной стороне небольшого холла будет неприметная лестница. Четыре пролета, снова коридор, каких-то полста шагов, и перед вами окажутся двухстворчатые двери, ведущие в рабочий кабинет хозяина. Таким путем в него попадают те гости, общение с которыми господин сар Штраузен желает сохранить в тайне. Или, во всяком случае, соблюсти ее видимость.

Но мне туда не нужно. Как нет необходимости и во встрече с ним. Мой путь короче, ведет он на второй этаж и закончится за куда более скромной дверью.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Клаус при моем появлении вскочил на ноги. Что ему совсем не пристало как сыну хозяина дома и единственному наследнику одного из самых влиятельных в королевстве Ландаргия лиц. Мало того, он еще и зачастил скороговоркой:

— Здравствуй, Даниэль! — Радость его была искренней. — Извини, что мне пришлось обставить все именно так. При других обстоятельствах я бы сам к тебе пришел с просьбой.

«Так ли уж обязательно практически полностью копировать содержание своего письма?» — слушая Клауса, подумал я.

Пришлось перебить, иначе извинения затянутся надолго:

— Все нормально, Клаус. Кстати, даже рад нашей неожиданной встрече.

Он взглянул на меня с подозрением: не оторвал ли в действительности от каких-нибудь неотложных, или хуже того — приятных дел? Например, свидания с очередной дамой. Которыми, по его глубокому убеждению, я и занимаюсь все свое свободное время. Что, впрочем, не так уж и далеко от истины.

Но не сегодня. Хандра — она такая штука, которая может взять за жабры практически любого. И причин для нее найдется множество. Отчасти завидую тем, кто постоянно находится в хорошем настроении, что бы с ними ни случилось и как бы плохо ни шли дела. Сегодняшний вечер я решил посвятить именно ей. И в качестве молчаливой приятельницы выбрал бутылку бренди. Отличный собеседник, который понимает без слов. И не пытается утешить или, хуже того, учить жизни. Таких у меня больше нет. Признаться, женщины по-

могают несколько не меньше, но они слишком требовательны к вниманию. И иногда говорливы так, что вскоре только и мечтаешь о том, чтобы их визит поскорее закончился.

— Сигара? Кальвадос, коньяк, джин?

Клаус плавно повел рукой, указывая сначала на столешницу, где помимо всего другого расположились хьюмидор, коробка с тонкими кедровыми палочками и пепельница. Затем себе за спину, на небольшой, но переполненный бар.

Комната, в которой мы находились, кабинетом не была. Небольшая гостиная, целиком и полностью принадлежащая Клаусу, — его отец сюда не заглядывает. Год назад мы славно в ней надрались. Причем так, как не напивались никогда прежде ни он, ни я. Молча, ибо в словах не было смысла. Да и какие они могли бы найтись у меня, чтобы его утешить? Когда выяснилось, что трепетная, но совсем небезответная любовь Клауса — та еще ветреница. А какие он строил планы! Вплоть до того, чтобы сбежать с Матильдой куда-нибудь на край света. Жить с ней душа в душу весь остаток жизни и, как говорится, умереть в один день. Справедливости ради, на какие именно средства он собирался существовать, он не знал, так далеко его мечты не заходили. Наверное, ему казалось, что все решится само собой. Ну да, когда тебе двадцать и ты являешься единственным наследником одного из самых богатых людей королевства, подобные мысли в голову не приходят. Деньги — они у тебя есть всегда. Их дают при малейшей просьбе, ими одаривают по любому поводу. А еще тебе нет нужды оплачивать жилье, одежду и пропитание. И все же Клаус весьма неплохой парень и совсем неизбалованный, что даже немного странно.

Должен сказать, отец Клауса, господин сар Штраузен, до сих пор мне благодарен за ту историю. Нет, конечно же не за попойку, когда мы с его сыном умудрились нализаться до положения риз. За другое. Он почему-то считает, что именно я открыл глаза Клаусу, кто есть на самом деле Матильда. Оттого и затеял самую настоящую беспощадную пьянку. Которая, кстати, подействовала. Клаусу, когда тот пришел в себя, стало намного легче. И с тех пор он вспоминает Матильду не иначе как с

легкой усмешкой: это же надо было мне на такое сподобиться! Все далеко не так. Во-первых, мне было неизвестно, что помимо Клауса Матильда встречается еще с одним или даже с двумя господами. Ну и главное, знай я это, мне никогда не хватило бы духу открыть ему глаза. Или даже намекнуть. И тем не менее сар Штраузен считает, что все произошло именно так.

Конечно же его отцу для единственного отпрыска виделась совсем другая пара. Не актриса, пусть и примадонна, но девушка из приличной и не беда что обедневшей семьи. Он даже допускал мысль, что партия будет не совсем удачной в том смысле, что не получится породниться с одним из тех семейств, которые имеют в королевстве большой вес. Политический или финансовый. Что, впрочем, одно и то же. Это не мои домыслы — собственные слова сар Штраузена.

— Спасибо. Хотя, пожалуй, от глотка бренди не откажусь.

Судя по тому что Клаус не приступил сразу же к делу, почему бы и нет? Тем более бренди в его доме с собственных виноградников. Где оно производится только для нужд семьи. Ну и где тут удержаться от соблазна? Время от времени Клаус поглядывал на напольные часы, определенно дожидаясь срока. Но пока молчал, и потому заговорил я:

— Слышал, ты разделал под орех Кадиляка? Причем так, что не дал ему ни единого шанса.

— Было такое, — довольный, он улыбнулся.

По той самой причине, что мои слова нельзя было трактовать иначе как комплимент. По мне, довольно сомнительный — чтобы справиться с Кадиляком, никакого искусства не требуется. Но зачем Клаусу об этом знать? Всего-то несколько слов, а как человеку стало приятно!

— Даниэль, ну не мог же я подвести такого учителя! — Он попытался вернуть комплимент мне.

Его учителем я могу называться с огромной натяжкой. Так, дружески звенели клинками пару сотен раз. Я больше от скуки, ну а Клаус считал, что таким образом берет уроки мастерства. Помимо тех, которые дают ему его собственные учителя. Однажды он признался, что мечтает если не достичь моего уровня, то приблизиться к нему хотя бы наполовину.

Все куда сложнее, Клаус. У меня тоже когда-то были учителя, да и сейчас я фехтую практически каждый день, пытаюсь подняться на очередную ступень. Но самое главное заключается в ином. Стоит мне заставить себя услышать в голове одну из любимых мелодий, как начинаю предугадывать действие оппонента за долю мгновения до того, как он его совершит. Казалось бы, время мизерное и уместится между биениями сердца, когда оно работает на пределе. Но не тогда, когда вы стоите лицом к лицу со своим противником и у каждого в руке шпага.

Путем продолжительных многолетних тренировок вы научитесь владеть шпагой быстро, даже молниеносно. С одного взгляда начнете понимать, что представляет собой ваш визави. В чем его сильные стороны, а в чем он откровенно слаб. Вы уйдете от его выпадов рефлекторно и так же рефлекторно увидите брешь в обороне, куда и направите свой удар. Но вот перед вами противник, который равен. Равен во всем. Его или ваша собственная ошибка будет означать проигрыш той или иной стороны. И чтобы заставить ее совершить, существует множество финтов и уловок. Когда, реагируя на его ложное движение, вам уже не удастся защититься от настоящего, потому что возможности человеческого тела безграничны. Ну а если вам понятно, чем атака закончится и каково будет ее продолжение, станете ли вы обращать внимание на уловки? Сомневаюсь. Справедливости ради, с несколькими противниками может и не сработать по той самой причине, что у нашего тела есть предел. Моя маленькая тайна, которой я ни с кем не собираюсь делиться. И если уж быть до конца честным, иногда меня берет сомнение, что эта способность является не даром, не талантом или чем-то еще, но есть не что иное, как результат многолетней интенсивной практики с лучшими мастерами, с которыми мне посчастливилось иметь дело.

И еще. Тот незнакомец, который опустил мое самомнение с небес на самую что ни на есть землю, действовал так, как будто мог предугадать мои действия не на какие-то там мгновения — секунды. И он был куда быстрее меня. Меня спасло

лишь то, что он не собирался убивать. Даже не догадываюсь, по какой именно причине. Полночь, темный переулок, вокруг ни души... но не стал.

Кто он? Житель Гладстуара, прибыл в столицу из провинции, иностранец, в конце концов? Понятия не имею. Низко надвинутая на глаза шляпа, темный плащ, который он не удосужился сбросить, настолько был уверен в себе, и ни единого произнесенного слова. По которому можно было хотя бы примерно узнать о нем хоть что-то. Произношение, акцент, какие-то другие особенности речи... У меня довольно приличный музыкальный слух. Помнится, однажды выиграл пари, когда отличил шпагу толенской школы от валнийской. Две самые знаменитые на сегодняшний день оружейные мастерские. Отличил их по звону за спиной. Шпага, что была у незнакомца, звучала как обычная железка. Такие изготавливают сотнями рядовые мастеровые, но те мастера, кто обязательно оставит на клинке принадлежащее ему клеймо, с презрением отбросят подобный материал далеко в сторону. И все-таки я благодарен ему, таинственному незнакомцу, который поставил меня на место. Щенка, поверившего в собственное превосходство над всем и вся, который в любой момент мог заплатить за это жизнью.

— Даниэль, ты меня слушаешь?

— Извини, задумался, — и потому пропустил начало пояснений Клауса, почему он просил меня прийти. — Если тебя не затруднит, начни сначала.

Любой другой мог бы обидеться или рассердиться, но не Клаус. Несмотря на свои немного за двадцать, он все еще большой ребенок.

Временами восторженный настолько, что удивляет. И заставляет вспоминать, был ли я сам таким в его годы? Чтобы тут же ответить: не был и в куда более юном возрасте. Даже когда еще были живы отец и мать. И еще я в такие моменты думал о том, какая именно Клаусу нужна жена. В идеале — твердо стоящая на земле, а не витающая в небесах женщина, пусть и немного властная. Иначе найдет себе в пару такую же, как и сам. Способную восторгаться красотой проплывающих

в небе облаков, ахать от трелей птиц и украдкой утирать слезу, внезапно пролившуюся от переполняющего душу восторга при звуках музыки. Словом, та, которая станет ему надежной опорой.

— Готов? — перед тем как начать заново, предложил Клаус. И, дождавшись моего кивка, начал.

Клаус умолк, и я налил себе бренди. Теперь, когда все стало понятно, можно себе позволить. Нечто подобное и предполагал.

— Даниэль, узнай отец, он будет чрезвычайно зол, — извиняющимся тоном сказал Клаус. И это говорит человек, который собирался сбежать вместе с возлюбленной вопреки его воле! — А просить кого-то другого... Да и кого именно?

Пришлось его успокоить:

— Все правильно сделал. Даже не сомневайся.

Последние слова были обязательными. Иначе он при своей мнительности начнет видеть то, чего нет и в помине.

— Единственное, Клаус, мне хотелось бы устроить с ним встречу так, чтобы избежать своего появления на людях. Где-нибудь в укромном уголке, если это возможно.

Обязательно среди гостей сар Штраузена найдется человек, который не знает меня лично. Результатом чего может быть брошенный им пренебрежительный взгляд, который я просто обязан увидеть. Плевать мне хотелось и на него, и на большую часть гостей дома, если бы не мое реноме. На которое тоже подмывает желание плюнуть, но нельзя. Если разобраться, оно единственное, что у меня есть вообще.

Собственно, этот вечер я мог бы провести и среди гостей сар Штраузена, который собрал почти полностью столичный бомонд. Раз в месяц сар Штраузен дает бал для высшего света, и практически каждый его представитель считает за счастье получить приглашение. Мне бы оно не понадобилось. Как не нужно будет и завтра, если отправлюсь в дом сар Крагнуока. И послезавтра, к Бислоу. Но мои дела таковы, что впору действительно соскрести сургуч с извещений о просроченных платежах и навестить с ним писчую лавку.

Нужного мне человека, как будто случайно, я встретил в коридоре, ведущем в бальный зал, где гремела музыка и вальсировали пары. Не сказать чтобы коридоре пустынным, но достаточно безлюдном для того, чтобы обменяться с ним несколькими словами так, чтобы нас никто не услышал. Без слов становилось понятно, он меня признал, что весьма облегчало дело. Хотя кто бы мог в этом сомневаться? Мы почти поравнялись, когда я приостановился.

— Господин Эскью сар Мортайл? — Мне пришлось сделать вид, будто копаюсь в памяти, чтобы вспомнить его имя, хотя впервые услышал его несколько минут назад.

— Да, сарр Клименсе! — с готовностью кивнул он.

— Хочу вам сказать вот что. Настоятельно рекомендую заболеть завтра с утра. Или получить известие, что любимая тетушка на смертном одре, отчего срочно придется убыть из столицы на неопределенное время. В противном случае ваша следующая дуэль случится со мной. Повод для нее придумать прямо сейчас?

Редко мне приходилось наблюдать, как бледнеют настолько стремительно.

— Итак?

— Да, — единственное, на что его хватило сказать. Хотя нет. — Внезапно вспомнил, что меня ждут неотложные дела в Конгарде.

— И мне об этом же говорили. Всего вам доброго, господин Эскью сар Мортайл!

Не знаю, за кого именно просил Клаус, произнесенное имя не говорит ни о чем. Но убежден, за плохого или просто нужного ему человека Клаус хлопотать бы не стал. Если человек порядочен, он порядочен даже в мелочах.

Один мой знакомый, весьма гордый тем, что на его счету имеется личное кладбище из тех, кому не посчастливилось встретиться с ним на дуэли, умер в страшных мучениях в весьма молодом возрасте. Нет, никакой подоплеки за этим нет: какое-то внутреннее воспаление от полученной им раны, которое закончилось для него трагично. На мой взгляд, в мучениях он умер совершенно заслуженно. Приходилось ли уби-

вать на дуэлях мне? Бывало. В тех случаях, когда по-иному было нельзя. Но мне и в голову не придет этим гордиться.

Что же касается самого сар Мортайла... Уверен, он не боится смерти. Да и не стал бы я его убивать. Но можно ведь сделать и так — он станет настоящим посмешищем, что для него куда хуже. И мне мастерства для этого хватит.

Клаус ждал меня все в той же гостиной.

— Как все прошло? — не скрывая нетерпения, спросил он.

— Эскью заявил, что ему необходимо срочно убыть в Конгард, — пожал я плечами. — Надеюсь, не настолько срочно, чтобы отправиться туда на ночь глядя. Тем более в такую непогоду. Сможешь уладить все остальное?

Ведь, отказавшись от дуэли, Эскью предстоит еще и сохранить лицо.

— Ну, это-то как раз самое простое! — отмахнулся Клаус, лицо которого так и лучилось довольством. — Спасибо, Даниэль! Знаешь, я бы и рад предложить тебе деньги, но зная твои принципы...

Зря. Наверное, я отступил бы сегодня от своих принципов, сделав исключение, настолько безобразно идут дела в последнее время. Хотя, возможно, и нет. Ведь стоит лишь раз от них отступить, как они перестают ими быть. Навсегда.

— Может быть, останешься? — с надеждой спросил Клаус, наблюдая, как я напяливаю плащ и шляпу.

— Ты же знаешь мое отношение к танцам, — попробовал я отшутиться.

Дома меня ждет догорающий камин, в который необходимо подложить дров, чтобы не трястись поутру от холода. И едва початая бутылка бренди, пусть и далеко не такого замечательного, как та, что стоит на столе. Что еще нужно человеку, который привык проводить одинокие вечера в рассуждениях о философских материях?

— Мы бы могли просто поговорить.

— Наговоримся еще, успеем, — пообещал я, даже частично не представляя, насколько окажусь прав.

Потому что сразу же вслед за этим послышался тактичный стук в дверь, затем она распахнулась, на пороге возник слуга, который произнес:

— Господин сарр Клименсе, господин сар Штраузен просит вас уделить ему несколько минут.

И мне не оставалось ничего другого, как согласиться. Отлично понимая, что наш разговор получится длинным.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Как мне известно, у хозяина дома имеется два кабинета. Во всяком случае, бывать приходилось только в двух. Один из них поражал своими размерами и великолепием. Не кабинет, а самый настоящий зал для торжественных приемов высоких гостей. Высоченный, весь в лепнине потолок, с которого свисала гигантская хрустальная люстра. Многочисленные картины и скульптуры великих мастеров. И монументальная мебель из ценных пород дерева, которой, кстати, не так уж и много. Письменный стол с креслом, похожим на трон. И несколько стульев для посетителей, которые попросту терялись. Словом, все сделано так, чтобы попавший сюда человек сразу почувствовал свою ничтожность, над которой возвышается хозяин кабинета.

В нем мне довелось побывать единственный раз. Почему-то у меня сложилось впечатление, что сар Штраузен пожелал увидеть, насколько тот смог на меня подействовать. Не смог. И еще я едва не зевал. В большей степени по той причине, что накануне провел почти бессонную ночь, настолько моя новая знакомая оказалась хороша собой, а также страстна и распутна.

Второй кабинет, куда и привел меня слуга, был намного более скромн. И уютен. Он выглядел увеличенной копией той гостиной, которую я только что покинул. Непременно Клаус желал устроить себе нечто подобное. И, кстати, преуспел.

— Рад видеть тебя, Даниэль.

Не сказать чтобы взаимно, но я сделал вежливый кивок.

— Здравствуйте, господин сар Штраузен.

Клаус удивительно похож на отца. Такой же высокий, светловолосый и голубоглазый, и в точности с таким же длинным носом с легкой горбинкой. Отличала их погрузневшая с возрастом фигура хозяина кабинета и величавость движений, которая у его сына отсутствовала полностью. Ну и конечно же наличие морщин у одного и гладкое юношеское лицо у другого.

— Желаете что-нибудь... — Сейчас движение его руки было копией жеста Клауса, когда тот предлагал мне выпить.

— Спасибо за предложение, но нет.

— А я, в отличие от тебя, не откажусь. — И сар Штраузен действительно сначала налил, а затем выпил.

Судя по тому, что справился он с этим сам, не прибегая к помощи слуг, которых в кабинете и не было, разговор должен был состояться тет-а-тет. Что отчасти настораживало.

— Я предполагал встретиться с тобой в самое ближайшее время, — сообщил он. — Но коль уж скоро мне доложили, что ты здесь, то подумал: ну и к чему откладывать? Кстати, как там с этим... — сар Штраузен на секунду задумался, вспоминая. — С Эскью сар Мортайлом? Надеюсь, он принял благоразумное решение?

Пришлось кивнуть снова. Клаус опасался, что отец узнает и будет сердчать? Святая наивность! Чтобы тот не знал до мелочей о том, что творится у него в доме?!

— Да. Удивительно понятливый человек, мне хватило всего-то нескольких слов.

— Возможно, дело не в его понятливости, а в твоём собственном умении убеждать.

— Возможно, и так.

Я взглянул на часы. Пройдет не так много времени, когда бал начнут покидать первые гости. Оставалось только надеяться, что наш разговор не затянется. Не хочу видеть никого, и будь моя воля, давно бы уже сидел в кресле перед камином.

— Ну что ж, теперь о самом деле...

«Ничего не имею против».

— Весь внимание, господин сар Штраузен.

— Сейчас я тебе скажу то, о чем знают лишь единицы.

«Весьма польщен вашим доверием».

— Его королевское величество (Эдрик Плюгавый, не удержался я от мысленного комментария) не далее как вчера, вернее, теперь уже позавчера, подписал указ о назначении Клауса сар Штраузена наместником Клаундстона.

На этот раз меня хватило лишь на то, чтобы поперхнуться, настолько все было неожиданно.

— Указ все еще лежит в королевской канцелярии, но в ближайшее время его обнаружат.

Наверняка мои познания в географии ненамного превышают представления о ткацком деле, но Клаундстон — слишком известный город, чтобы о нем не слышать. Город-порт, примерно в месяце пути на юго-восток отсюда, который всего-то три десятка лет назад был прибрежным анклавом. То есть анклавом, имеющим выход к морю, поскольку порт. Затем его удалось ввести в состав королевства, но до сих пор его жители отличаются вольнодумством, и тот дух независимости, который живет в них, вряд ли выветрится в течение следующего столетия. Если выветрится вообще. И вдруг Клаус, телок, если прибегнуть к языку аллегорий, в нем наместник! Мыслимо ли это вообще?!

Я всегда по праву гордился своей невозмутимостью в любых обстоятельствах. Но сейчас сар Штраузен сделал примерно то же, что и незнакомец в пустынном темном переулке близ площади Согласия. Что находится у бывшей летней резиденции короля, которая расположена на острове посреди реки Брикберс, а она разделяет столицу на две неравные части.

Голос, кстати, тоже меня подвел.

— Вы это... серьезно?!

— Куда уж более.

Вот у кого бы мне поучиться невозмутимости, так это у сар Штраузена. Поскольку выражение его лица оставалось самым обычным. Не было в нем ни радости от одержанной победы, ни усталости, которая должна показать, насколько трудно она ему далась. Ничего. К тому же разве такими вещами шутят?

Нет. Никто и никогда. Клаундстон — слишком лакомый кусок для кого бы то ни было. Город-порт с оживленной тор-

говлей, огромными привилегиями в налоговой политике и многим другим прочим.

— Поздравляю! — только и оставалось сказать мне.

— Спасибо! — Он был искренен. Пожалуй, единственный раз за все время наших с ним встреч. — Теперь о главном. Даниэль, мне хотелось бы, чтобы ты сопроводил новоиспеченного наместника в Клаундстон. Ну и там не оставил его без своего внимания. По меньшей мере ближайший год.

«Чего бы ради? Чего ради покидать столицу, где меня устраивает все, кроме финансового положения? Всего лишь для того, чтобы стать нянькой вашему сыну, который все не может повзрослеть?»

— Конечно же вы отправитесь не вдвоем. — Его тон мне совсем не понравился. Такой, как будто бы он уже объяснял предстоящие мне задачи. — Сопровождение на всякий случай, думаю, полусотни наемников хватит. Мэтр Корнелиус Стойкий с учеником. И конечно же несколько слуг из тех, кто умеет неплохо держаться верхом и обращаться с оружием.

— Корнелиус Стойкий? — Я все еще плохо соображал, и потому вопросы были глупыми и неуместными.

— Да. Из Дома Милосердия. Попутчики, не более того. Хотя могут и пригодиться.

— Клаус уже знает?

Очередной глупый вопрос. И еще одна возможность, которой я не преминул воспользоваться — удивиться после ответа.

— Нет. Завтра скажу.

«Ну и какой из него ко всем Двенадцати Проклятым наместник, если он даже не посвящен заранее, а будет поставлен перед фактом?»

— Ладно, Даниэль, все остальные вопросы и ответы на них будут в ходе нашей дальнейшей беседы. Сейчас о деле. Отлично понимаю, ты не горишь желанием туда отправиться.

«Не горю желанием — это мягко сказано. Излишне мягко, чрезмерно».

— Тем не менее убежден, что у меня найдутся доводы все изменить.

В свою очередь полностью убежден, что их не хватит. В конце концов, что мне мешает в любое мгновение подняться на ноги и заявить: «Всего доброго, господин сар Штраузен! Был весьма рад встрече с вами. И передайте Клаусу, что я желаю всяческих успехов на его новом поприще».

Хотя какое там новое? Можно подумать, что у него были другие. Кроме как играть в куклы и мечтать о том, чтобы сбежать из дома с профурсеткой. Почему-то я был зол, и моя злость распространялась даже на Клауса. К которому всегда имел только дружеские чувства.

— Начнем с того, Даниэль, что самому тебе будет только на пользу на некоторое время сменить обстановку. Новые друзья, впечатления.

— Мне и в столице всего этого хватает с избытком.

— Как и долгов, Даниэль. Вот этих самых векселей и обязательств, в которых ты в самом скором времени утонешь.

Никогда бы не подумал, что всего того, о чем только что сказал сар Штраузен, у меня накопилось так много. И еще, что все они могут оказаться у него в кабинете. Гора целая. Камин неделю топить можно.

— Рано или поздно за них придется платить, Даниэль, — неожиданно мягко сказал сар Штраузен. — Желаешь ты того или нет. И что дальше? Долговая яма? Подмоченная репутация, которую никогда уже не вернуть?

Все это я отлично понимал и без его слов. И не находил выхода. Попросить помощи у тех немногих родственников, к слову, всех как один дальних, которые у меня есть? Они и сами бедны. К тому же проживают в провинции. Да что может быть унижительнее объезжать их одного за другим в надежде, что кто-нибудь откликнется на мою просьбу? Нет, на такой шаг я не пойду никогда.

Приставка «сар» означает благородное происхождение. У меня она звучит и пишется как «сарр». Такой нет даже у короля, и я единственный, у которого она имеется в Ландаргии. Единственный и последний в роду человек, чья родословная самая длинная. Но что она дает, кроме многочисленных ограничений? Нет, не по закону — по кодексу чести. Или из-за

моей непомерной гордыни. Хотя скорее тщеславия. Один из моих немногих друзей, к мнению которых я изредка прислушиваюсь, не раз говорил: «Времена меняются, Даниэль. И мы должны меняться вместе с ними».

Все это я отлично понимал и без него. Понимал и не мог переступить через что-то чрезвычайно для себя важное. Что мешало бы мне, например, вступить в брак по расчету. С дочерью какого-нибудь состоятельного купца. Причем по своему выбору. Любой из них счел бы за счастье породниться с носителем единственной фамилии в королевстве. После чего продолжить прежний образ жизни. Далеко не праведный и даже предосудительный, но такой приятный. Или брать деньги там, где мне их настойчиво и постоянно пытаются вложить в руку. Например, за посещение балов и раутов.

Нисколько не сомневаюсь, слухи о том, что Даниэль сарр Клименсе почтит своим присутствием чей-то дом, начнут расходиться куда быстрее, чем приглашения для этих гостей. Ну а мне останется лишь наносить визиты. Любезничать с дамами, приветствовать господ, некоторым из них пожимая руку, чтобы они оказались на седьмом небе от счастья. И еще изредка хмурить брови. Как будто бы не в настроении и намерен затеять дуэль.

Или получать деньги за услуги, подобные той, что не так давно оказал сыну хозяина дома. Вместо всего этого предпочитаю сидеть в убогой комнате в скромной съемной квартире, ведя молчаливый диалог с бутылкой бренди, категорически не желая идти в ногу со временем.

— Даниэль сарр Клименсе, единственное ваше слово, и все они окажутся там! — Сар Штраузен через плечо указал большим пальцем на весело пылающий камин.

Раздумывал я недолго. И не потому, что соблазн был слишком велик. Как бы там ни было, попроси сам Клаус, и мне вряд ли удастся ему отказать. Вне зависимости от всех тех предпочтений, которые так настойчиво предлагает его отец.

— Жгите.

— Это означает...

— Да.

Никаких других гарантий не требуется. Сар Штраузен не хуже меня понимает, что я скорее сдохну, чем их нарушу. Взять те же векселя. Будь в них указан срок, когда следует вернуть деньги, мне пришлось бы худо. Но ни на одном из векселей его нет. Подозреваю, они являются всего лишь некоей гарантией того, что однажды удастся меня заставить действовать в интересах кого-то из ростовщиков. Иначе к чему бы им устраивать между собой едва ли не соревнования, кто больше умудрится загнать меня в долги? Благо потребности мои достаточно скромные и в них не входят роскошные кареты, выезды о четверке белых лошадей и сплошь расшитые золотом камзолы, которые, следуя хорошему тону, следует менять каждый день.

— Помоги мне, — попросил один из самых могущественных людей королевства. А возможно, и самый могущественный. Если судить по тому, какое назначение получил его сын.

Векселя сгорели на удивление быстро. Глядя на них, извивающихся как живые, перед тем как вспыхнуть, я думал о том, что гибель каждой из них означает для меня частичку свободы. Полностью которую получу через год.

Чтобы снова затем залезть в кабалу прямоугольных листов бумаги высокого качества, заполненных красивыми буквами, печатью, почему-то всегда красного цвета, и подписями, одна из которых, самая корявая, будет принадлежать мне.

— Теперь о приятном, — заявил сар Штраузен, несомненно чем-то довольный. — По крайней мере, для тебя лично.

Когда я вопросительно взглянул на него, он без лишних слов положил на стол кошель.

— Любое путешествие подразумевает собой расходы. И чем длиннее оно, тем больше. Необходимы снаряжение, припасы и наличность. В случае, когда приходится прибегать к услугам придорожных харчевен и постоялых дворов. И еще обязательно нужна лошадь, которую выберешь из моей конюшни себе по вкусу.

— Спасибо, — сказал я, отрицательно покачав головой.

Сожженные векселя и лежащее на столе золото будем считать оплатой за ту услугу, которую я ему окажу. Но лошадь станет подарком, и принять я ее не могу. Мне и без того предстоит разобраться, достойно ли мое согласие имени, которое ношу? Хотя чего там разбираться? Заранее зная, что ответа мне не найти.

Сар Штраузен лишь пожал плечами.

— Вы отправитесь примерно через неделю. Двигаться будете без всякой шумихи, не загоняя лошадей, но и не плетясь черепахой.

— Чтобы к нашему прибытию все было готово?

Не знаю, что именно и кем, но вопрос напрашивался сам собой.

— Да, — кивнул сар Штраузен. Мгновенье молчал, вероятно дожидаясь еще одного вопроса, которого не последовало, затем продолжил: — Даниэль, основной твоей задачей будет не опека над моим сыном, нет. О его безопасности позаботятся другие. Мне бы хотелось, чтобы тебе удалось выбить из Клауса хотя бы часть той восторженности, которая мешает ему видеть жизнь в ее настоящем свете. Думаю, ему настала пора относиться к ней с куда бóльшим цинизмом. Признаться, несмотря на свой возраст, он во многом еще ребенок. Клаус обязательно к вам прислушается, поскольку он отзывается о тебе всегда только в превосходной степени. Понимаешь, о чем я?

— В общих чертах.

Бренди я все-таки выпил. Могу себе представить, какую только гадость не придется глотать по дороге в Клаундстон. Что же касается просьбы сар Штраузена... Не оттого ли мне Клаус и нравится, что у него есть то, чего у меня давным-давно не осталось — та самая восторженность? Как у глубокого старика, который испытал все, что только можно испытать, и видел все, что только можно увидеть. И теперь не получает удовольствия ни от чего. За исключением вкуса блюда и сладости послеобеденного сна. В мой-то двадцать пять! И не это ли самое важное в жизни — пронести свежесть восприятия

на как можно больший срок? Но нет, вам нужен наследник, которому можно доверить то, что вы с таким трудом создали.

Сар Штраузен вещал что-то еще, я слушал его вполуха и даже умудрялся ответить на большинство его вопросов, не переспрашивая. Наконец мы расстались. И его последней фразой было:

— Даниэль сарр Клименсе, пусть тебе никогда не придет в голову, что я тебя купил. Нет, мы всего лишь пришли к уст-раивающей нас обоим договоренности.

Эх, если бы! Но теперь было поздно что-то менять.

— Даниэль! Еще бы несколько минут, и я бы точно была уверена, что тебя уже не дождусь.

Кларисса живет в столице несколько лет, но все еще выговаривает звук «л» слишком мягко. Что сразу выдает в ней уроженку западной провинции королевства. Обычно такое произношение меня раздражает, но не из ее уст. Корсеты давно не в моде, и при такой тонкой талии, нескромном декольте, в котором есть что показать, таких темных блестящих глазах, красивых чертах лица и настоящем водопаде каштановых волос, уложенных в красивую прическу, пусть Кларисса не выговаривает его вовсе. К тому же все, что отчасти скрывает ее бальное платье, мне давно и хорошо известно. Там если и не совершенство, то недалеко от него.

— Ни за что не поверю, что ты прождала меня все время именно здесь, — сказал я, уволакивая ее за руку в одно уединенное местечко, о котором, боюсь, не знает даже Клаус. Мы разговаривали с сар Штраузеном больше часа, и потому мой вопрос был закономерен.

— Еще чего! Всего-то понадобилась одна монета, чтобы слуга вовремя предупредил. Затем только и оставалось, что перехватить, пока ты не исчез так же незаметно, как и появился, — едва успела тебя заметить.

Кларисса шла за мной охотно, и мы оба с ней прекрасно понимали, чем наша встреча закончится. Наконец то самое уединенное местечко, где я надолго припал к ее губам.

— Рад тебя видеть! — отрываясь от них, сказал я.

— Я чувствую, — улыбнулась она. — К тому же ты дышишь чаще обычного.

Здесь нас не увидит никто, и если развернуть ее спиной, наклонить, а затем одним движением поднять подол достаточно высоко, станет доступно то, что сейчас мне просто необходимо. То, что не сможет заменить ни бренди, ни любой другой крепкий напиток, вообще ничто. И я знал точно — Кларисса будет совсем не против. Но нет, этого мало. Нервов потрачено слишком много, чтобы всего лишь вот так.

— Кларисса, как ты посмотришь на то, что я тебя украду?

Она дама замужняя, и потому мой вопрос был закономерен. Иначе даже спрашивать бы не стал. Муж — господин Шарлур сар Маньен, старше своей красавицы-жены лет на двадцать, и круг его интересов полностью совпадает с диаметром ломберного стола. Он необычайно везуч в карты, и о его везении ходят легенды. Сам я абсолютно к ним равнодушен, впрочем, как и ко всем остальным играм. Даже к тем, в которых не принято делать ставки.

— Решайся поскорее, Даниэль. Иначе мне самой придется тебя украсть. Что потом начнут говорить в свете? Сэрр Клименсе дожил до того, что его крадут дамы, а затем используют до самого утра!

Улыбка у Клариссы тоже замечательная.

— Выкрутишься?

— Фи! Скажу, что мне надоело любоваться на его потную лысину всякий раз, когда к нему приходит хорошая карта. И я отправилась, например, к Ластье. У них тоже сегодня званый вечер. Кстати, Даниэль, если тебе придется играть с Шарлуrom, помни это факт. И сразу же пасуй.

Все это Кларисса говорила по дороге к выходу, уже наряженная в мой плащ, и даже капюшон был накинута. Излишние предосторожности, но ведь и приличия следовало бы соблюдать. Хотя бы для слуг, которые успели попасться дважды, пусть и старательно отводили глаза в сторону. Что до потной лысины господина Маньена... Где ее там разглядишь, если шевелюра у него как у молодого?

— Мы поедem ко мне, — заявил я уже в карете.

Не слишком подходящее местечко для свидания со светской дамой. Но до него подать рукой, а времени терять не хотелось.

— Да хоть на сеновал! Куда угодно с человеком, который не расстанется с двумя шпагами, одной из которых владеет особенно виртуозно.

Только не говори: хорошо бы еще, чтобы длина обеих шпаг была одинаковой. Ведь это будет чересчур для нас обоих.

— У тебя был серьезный разговор, Даниэль? — спросила Кларисса, в то время как сам я едва сдерживался, чтобы не крикнуть кучеру: побыстрее ехать нельзя?

— Почему так считаешь?

Слова не мешали нам обоим проверить друг у друга, все ли там на месте и так ли оно приятно на ощупь, как и прежде. Особенно преуспевал в этом занятии я.

— У тебя было такое задумчивое лицо! Что молчишь?

О встрече с отцом Клауса не хотелось даже вспоминать. И я, чтобы не отвечать, закрыл рот Клариссы поцелуем.

Тем временем стук колес кареты и лошадиных копыт по булыжной мостовой прекратился, что означало: мы наконец-то прибыли. Извозчик даже голоса не стал подавать — любезные господа, извольте выйти и расплатиться. Человек, несомненно, опытный и потому вполне допускал то, что частенько случается дальше. Дама с кавалером в карете могут на некоторое время и задержаться. И если сама карета начнет раскачиваться на рессорах, несложно догадаться, в чем причина. Хотя может и не раскачиваться, эти господа такие выдумщики, а благородные дамы развратницы еще те! При этом кучер обязательно будет улыбаться в усы. Они у него есть, сам видел. Все это так, но до моего дома осталось всего-то несколько шагов, а у нас с Клариссой нет причин расставаться.

— Любезный, вы можете прибыть сюда к шести утра? — обратился я к извозчику, когда помог Клариссе выбраться из кареты. — Или поручить кому-нибудь другому. Так, чтобы мы могли на вас надеяться.

Ошибиться со временем будет сложно: ратуша расположена не так далеко, и сюда прекрасно доносится бой часов, которые отбивают каждую четверть.

— Обязательно сам и приеду, — пообещал тот. И добавил: — Будьте уверены, господин сарр Клименсе!

Кларисса негромко рассмеялась, не слишком-то и пряча лицо под капюшоном. Затем с улыбкой собралась что-то прокомментировать, но я успел увлечь ее под локоть к входной двери. Время позднее, но в доме наверняка кто-нибудь да не спит. И он непременно обратит внимание на подъехавшую карету и голоса. Еще и замок, который обязательно проскрежещет. Мне зеваки не грозят ничем, но Клариссе все-таки стоило бы опасаться. Пусть даже темно и ближайший фонарь расположен довольно далеко.

На удивление, в комнате ярко горел камин, отблески огня которого не были видны снаружи из-за тяжелой и плотной портьеры. Кто-то явно подложил в него дров, причем не более получаса назад. В то самое время, когда во мне усиленно боролись фамильная гордость и здравый смысл: соглашаться на предложение сар Штраузена или уйти, пусть даже без громкого хлопанья дверью? Хотя кто еще мог их подложить, кроме хозяйки дома? Одно хорошо — сама она не возлежит в моей постели. Случалось и такое, пусть и не с ней. Ничего приятного в том нет, когда приходишь в дом с одной дамой и обнаруживаешь в постели другую. Причем из одежды у нее одна лишь шляпа, и та моя собственная. К тому же ты наверняка знаешь: между этими дамами ни малейшей взаимной симпатии. Причем настолько, что обе они готовы вцепиться друг другу в волосы по куда меньшему поводу. Мало того, никто из них не спешит высказать мне в лицо все, что обо мне думает, и уйти.

В последний раз все закончилось тем, что обе утонченные дамы провели остаток ночи в разговорах, уничтожая мою единственную бутылку бренди. Затем, дождавшись рассвета, ушли, наградив меня на прощанье уничижительными взглядами. Что, впрочем, нисколько не помешало в дальнейшем

встречаться с ними обеими. Кларисса первым делом туда и направилась — к моей постели. Там-то я ее и настиг, думая о том, что ничему меня жизнь не учит. Что могло быть проще, чем задвинуть щеколду на двери, перед тем как одним прыжком оказаться возле нее, поднять на руки и уложить на кровать, срывая с нее одежду?

Я был несколько грубоват, что понимал отлично. Но сейчас подо мной страстно извивалась не одна из признанных столичных красоток, нет. И все же так будет лучше, чем кого-нибудь убить. Убить только за то, что мне нужно избавиться от всего, что меня переполняло. Избавиться хотя бы частично.

Когда мы, все еще шумно дыша, затихли в объятиях друг друга, я попытался объяснить свою грубость, но не понадобилось.

— Даниэль, ты вел себя не так, как обычно, — были первые ее слова.

— Извини. У меня незадолго перед этим состоялся довольно неприятный разговор, итогом которого стала необходимость покинуть столицу.

— И ты решил все выместить на мне?

— Так получилось.

— Знаешь что? Когда нечто подобное состоится в следующий раз, прошу, нет, даже умоляю: обязательно меня найди! Даже вспомнить не могу, было ли мне так же хорошо когда-нибудь прежде... Хотя вряд ли.

И мне только и оставалось, что перевести дух.

— Единственное, не могу понять: как мне удалось удержаться от того, чтобы не разбудить весь дом? Тебе было больно?

Я невольно взглянул на свою руку, на которой все еще оставались следы от зубов Клариссы.

— Подумал, что ты в отместку, — честно признался я.

— В отместку за что?

— За боль, которую тебе причиняю.

— Ой-ой-ой! Даниэль сарр Клименсе, записной сердцеед, не в состоянии различать, когда женщине хорошо настолько, что она едва не теряет сознание, и когда ей больно?